ГК2395
Ш741

Ал. Шамонин

Непокоренный Кавказ

Махачкала — Дагкниз — 1943 год

Ал. ШМОНИН

НЕПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗ

ДАГЕСТАНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

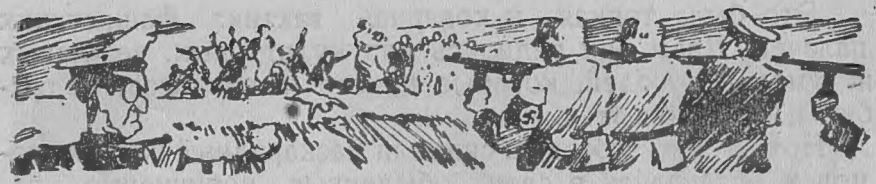
ГК2395
Ш 741

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)
629114

От автора

Эта книга написана под впечатлением поездки по освобожденным героической Красной Армией районам Северного Кавказа в феврале—марте 1943 года, когда еще свежи были следы разрушений, произведенных гитлеровцами, и не остыла кровь жертв немецко-фашистских варваров. Книга не претендует на полноту описаний всех событий, связанных с пребыванием гитлеровцев на Северном Кавказе. Это скорее короткие газетные очерки. Часть из них была опубликована в газете „Дагестанская правда". Описанное автор многое видел своими глазами, а многое записал со слов советских граждан, побывавших в фашистском рабстве.

Автор будет вполне удовлетворен, если эта книга даст хотя бы некоторое представление о хозяйничании фашистов на Северном Кавказе, о героизме горцев и казаков, боровшихся с оккупантами, и окажет помощь агитаторам и пропагандистам в их работе.



ПАЛАЧИ С МОНОКЛЯМИ

В Пятигорск, Кисловодск и Ессентуки летом 1942 года прибыли отборные молодчики-эсэсовцы, опытные заплечных дел мастера. Это были чистокровные арийцы —рослые, белокурые, голубоглазые, с чистым по-детски невинным взглядом. Одеты они были в короткие штаники, шелковые рубашки-апаш, модные лакированные туфли; в глазу — монокль, а в руках вместо оружия — стэки. Одним словом, не солдаты, а туристы, курортники, приехавшие из Германии отдохнуть на Кислые воды.

А какие тонкие манеры обхождения, какая вежливость, корректность были у эсэсовцев! Перед женщинами они галантно расшаркивались, старикам козыряли, ребятишек ласково трепали по щекам и наделяли эрзац-конфетами.

Водители фашистских автомашин, завидя на дороге идущую колхозницу, останавливались и подвозили ее до города или села. Солдаты, расквартированные в колхозах, порой брались за плуг. Старухе, идущей из леса, сгибающейся под вязанкой, немец помогал поднести дрова. А в это время щелкали фотоаппараты, снимая колхозницу, едущую на немецком автомобиле, солдата за плугом, «помогающего казакам и горцам обрабатывать землю», старуху и немца с ее вязанкой дров. И эти снимки помещались во всех газетах, журналах и листовках с надписями под ними: «Так германский солдат дружит с освобожденными жителями Кавказа».

ДИГОСИЗДАТ

Это была тонкая и коварная тактика фашистских палачей. Днем они рядились под культурных, вежливых и гуманных людей, которые никого не обижают, не грабят и не убивают.

Ночью же эсэсовцы снимали маскарадный наряд агнецов и облачались в свои обыденные, коричневые, забрызганные кровью, капюшоны палачей, отмеченные свастикой и черепами со скрещенными костями, и в застенках чинили дикую расправу. Женщин, перед которыми днем галантно расшаркивались,—насиловали и истязали; старикам, которым приветливо козыряли,—вырывали седые бороды; детишек, которых наделяли конфетками, — душили и травили ядом.

Гитлеровцы в ряде городов Северного Кавказа избегали публичных казней, порок и открытого грабежа. Зато ночью, тайно, врывались в дома мирных жителей, увозили их в гестапо, там пытали, а после расстреливали за городом или околицей аула. Тысячи стариков, женщин и детей исчезали, а куда—никто не знал. И только после прихода Красной Армии о судьбе несчастных людей стало известно по сотням вскрытых могил.

Немцы подняли большую шумиху в печати и по радио об открытии сбора средств сиротам, лишившимся родителей во время войны. Кой-кому из сирот они на собранные деньги купили по паре туфелек и рубашонке. Но добрая сумма пошла в карман фашистских мошенников. Немецкий комендант Ставрополя украл из этих собранных денег несколько десятков тысяч рублей. Оказывали немцы и «зимнюю помощь» ими же ограбленным «неимущим жителям». И по этому поводу вопили: видите, как мы заботимся о бедных. Некоторым престарелым инвалидам по почте на дом посылали пенсии. Попытались было и другие старцы обратиться за пенсией, но на них прикрикнули: «нет вам никакой пенсии». Но зато какая реклама: Германия заботится об инвалидах труда!

Солдатам было строго приказано: на базаре поку-

12.

Этих малюток фашисты расстреляли вместе с их матерями на окраине города Георгиевска. Тысячи изуродованных детских трупов извлечено из страшных могил.

пать только за наличный расчет и никого не грабить. И они покупали «яйки», платя за них оккупационными марками. Это был завуалированный грабеж, так как марки никакой ценности не представляли, в Германии хождения не имели и печатались в Моздоке. Были бы только бумага и краска—марок будет сколько угодно!

Все эти «пенсии», «зимняя помощь», вся эта «забота» о сиротах и жителях строились по расчету, по заранее разработанному плану. «Большевики нас называют убийцами и грабителями, а вот смотрите, какие мы добрые: никого не обижаем, не убиваем и не грабим, даже оказываем помощь...».

Эту коварную тактику обмана населения выработали Гитлер и его генерал-полковник фон-Клейст, которые

предупреждали своих солдат—грабителей и убийц—специальным приказом: «На Кавказе строгие обычаи. Здесь грабежи, убийства и насилия не прощаются, становятся кровной обидой. Все это следует делать втихомолку, умело, осмотрительно...».

И немецкие изверги втихомолку отравляли ядом сирот, били плетьми пенсионеров, пытали и расстреливали «неимущих жителей», грабили колхозников.

Фашисты задались дьявольским замыслом: истребить казаков и горцев, а оставшихся в живых онемечить, превратить в своих рабов. И этот замысел они осуществляли со всей жестокостью, присущей каннибалам XX века.

Кровь леденеет при мысли о том, какие чудовищные зверства чинили гитлеровцы на Северном Кавказе. В Минводах палачи казнили 10 тысяч мирных советских граждан, в Ставрополе — 8 тысяч, в Кисловодске—3 тысячи, а всего по краю свыше 30 тысяч человек! Убийствам подвергались казаки, чеченцы, кабардинцы, черкесы, ногайцы, осетины, балкарцы, армяне, евреи.

В аулах и станицах оккупанты повсюду вывесили приказы: «за несдачу оружия огнестрельного и холодного — расстрел», «за связь с партизанами — расстрел», «за укрытие продуктов питания—расстрел». Гитлеровцы строго следили, чтобы советские люди не общались между собой. Скопление на улице трех-четырех человек, громкий разговор, даже смех — преследовались. Ночью улицы простреливались из автоматов, и горе тому, кто появится на улице. Запоздалый прохожий, женщина ли, ребенок ли, неизбежно погибали от пуль автоматчиков.

Фашисты изобрели чудовищные способы массового умерщвления советских людей. Не справляясь с расстрелами, палачи придумали более быстрый и легкий способ убийства, так сказать, рационализированный — отравление газами. Для этого они оборудовали большую трехтонную грузовую автомашину с крытым кузо-

вом, который герметически закупоривался. Жители Пятигорска прозвали ее «пекарней» и «душегубкой». В эту адскую машину фашистские изверги загоняли по 35-40 совершенно голых людей, затем плотно закрывали ее, шофер включал небольшой мотор, помещенный позади кабинки под кузовом. Из машины раздавались душераздирающие крики женщин и детей. Удушаемые газом мотора, жертвы гестапо бились о стенки кузова, царапали ногтями железо. Крики бывали настолько страшны, что даже палачи затыкали уши. Затем крики становились глуше, сменялись стонами, хрипами. Потом все стихало. Шофер выключал мотор:

— Капут! Испеклись!...

Это происходило ежедневно во дворе гестапо в Пятигорске, по улице Власова № 38 .Обо всем этом рассказывают Софья Николаевна Иванюшкина и Евдокия Васильевна Островенец, которые были очевидцами страшной казни.

В Минеральных Водах, близ стеклозавода, гитлеровские изверги расстреливали и отравляли газами тысячи мирных жителей. Вот акт, составленный специальной комиссией:

«...Немецко-фашистские изверги несколько дней и ночей подвозили людей к глубокому рву. Разгадав чудовищный замысел гитлеровцев, несчастные жертвы в ужасе разбегались по полю, но падали, скошенные очередями из автоматов. Остальных гитлеровцы собрали в кучу, раздели и загнали в ров. Затем группами по 15-20 человек обезумевших от страха людей грузили в закрытые автомашины и отвозили за километр в противоположный конец рва .Рабочие, косившие неподалеку сено, рассказывают, что во время перевозок из одного конца рва в другой люди в машинах оказывались умерщвленными без выстрелов (газами), так как из открытых дверей машин при выгрузке трупов выходил густой дым. Казненных сваливали в ров в несколько слоев, присыпали землей и укатывали машинами. Место казни огла-

шалось душераздирающими криками женщин и плачем детей, дожидавшихся своей страшной участи. Комиссия установила, что таким образом фашистские изверги истребили свыше 10 тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков».

В Ставрополе фашисты оборудовали специальную камеру, в которой убивали людей электрическим током. Арестованных палачи ставили в узкую кабину, где человек почти не мог шевельнуться, над его головой зажигали большой силы электрическую лампу с рефлектором. Перегревание головы этой лампой доставляло невероятные мучения и вызывало смерть.

В Георгиевске арестованных подвешивали за руки и держали их так часами, выкручивали руки, выкалывали глаза, ломали пальцы .

В колхозе «Осоавиахим», Степновского района, гитлеровцы бросали живых людей в глубокий колодец. Несчастные умирали там мучительной смертью.

Садисты, прежде чем казнить людей, подвергали их страшным мукам. В центре адыгейского аула Понежугай фашисты соорудили виселицу и вешали на ней горцев .Полузадушенных старых горцев звери вынимали из петли, приводили в чувство, а потом снова подвешивали. Все это делалось на глазах женщин и детей, насильно согнанных к виселице полицейскими. Так были повешены 12 адыгейцев-понежугайцев. Среди них уважаемые старики—старшины родов Ахир Бабыз, Ашим Ахир и другие.

Дыхание ужасной смерти коснулось и самого дорогого для советского народа — детей. В карачаевских и черкесских аулах и во многих казачьих станицах немцы мазали детям губы каким-то отравляющим веществом, они задыхались и умирали в страшных мучениях. Младенцев заживо закапывали в могилу.

В ноябре 1942 года горец Датиев со своей 8-летней дочерью и соседским сыном 12-летним Бегизовым вышел пешком из Алагира к себе в Кадгарон. На дороге

их остановили немецкие солдаты, решившие, что старик и дети — это партизанские связисты. И они тут же расстреляли больного горца и двух детей.

В станице Ново-Павловской во время массовой казни немецкие изверги на глазах матери—местной учительницы — застрелили и швырнули в яму двух ее детей-малюток. Обезумевшая от горя мать бросилась в яму, палачи засыпали ее живой, и земля над могилой долго продолжала шевелиться.

Осетинку Агазурову из Урсдона немцы арестовали вместе с ее трехлетним сыном. Просидев под арестом в сыром и холодном помещении, ребенок простудился, у него появился жар и вскоре он стал харкать кровью. Когда мать, окруженную немецкими автоматчиками, гнали по дороге на Прохладную, мальчик умирал. Горянка умоляла конвоиров разрешить ей остановиться

Захватив города и села Северного Кавказа, гитлеровцы врывались в квартиры мирных граждан, взламывали сундуки, воровали все, что попадет под-руку, не брезгая даже детскими пеленками. Пуля советского бойца прикончила одного из этих фашистских грабителей в тот момент, когда он взломал сундук с добром русского человека.

где-нибудь с умирающим сыном, но в ответ немец свирепо ударял ее в спину прикладом и гнал вперед, приказывая бросить малютку в снег... В дороге ребенок умер. Немцы не разрешили несчастной матери похоронить сына и предложили бросить труп на снег, но горянка, прижав к сердцу остывшее тельце своего дитя, продолжала итти. И так десять дней бродила по дорогам женщина с трупом сына, пока не освободили ее партизаны и не помогли похоронить ребенка.

Избиениям и зверским пыткам фашисты подвергали советских людей по каждому поводу. В Степном гитлеровские негодяи избили 50-летнего казака Махначева за то, что он произнес слово «товарищ». Михаила и Реву Королевых из Ессентуков садисты сажали на гвозди за то, что они перешли дорогу немецкому офицеру. В селе Надежда, Старомарьевского района, за невыход на барщину колхозников Михаила Козлитина, Василия Веревкина и Дмитрия Новохатских полицейские, раздев догола, высекли плетьми. Каждый из них получил по 30—40 ударов.

О фашистских застенках, пытках и расстрелах рассказала мне бежавшая из-под расстрела жительница Пятигорска Лариса Астахова. Вот ее дословный рассказ:

«В субботу, ночью, немцы ворвались в мою квартиру. Схватили меня, старуху и двух спящих детей: Светочку—2-х лет и Вадика—5 годков, бросили нас в машину и отвезли в гестапо. Там, в тесной камере, было 19 узников, среди них четверо малолетних детей. Была одна старая женщина. Имени ее никто не знал. За что она была арестована — также никому не было известно. От пыток она лишилась рассудка и часто громко говорила, грозя кому-то кулаком: «Он придет, придет Коленька.. Вы слышите, он уже идет». Лицо ее было все в синяках, левый глаз опух и заплыл, из ушей шла кровь, седые волосы были окрашены кровью, свалялись в один кровавый ком. На следующий вечер ее в числе пяти

взрослых и четырех детей увезли из камеры на расстрел. Я слышала в коридоре ее слова: «...Он придет, мой сын, Коленька.... придет с Красной Армией...».

Меня пытали и били, стремясь узнать,—не жена ли командира. Я говорила, что мой муж рядовой боец, но мне не верили и били. Бил немец высокий и худой, со шрамом во всю щеку, по фамилии Ганс Лицке. Допрашивал гестаповский офицер. Он давал знак, и длинный ударял меня по лицу широким ремнем. Потом мне скручивали руки за спину и за конец веревки привязывали двухпудовую гирю. Эта тяжесть давила и причиняла страшную боль. Не добившись ничего, палачи стали пытать мать. Ее, горемычную, длинный Ганс привязывал к столу и бил плетью. Все это делалось на моих глазах. После одной из таких пыток мать умерла, не придя в сознание. Труп ее не уносили из камеры неделю, и все заключенные задыхались от смрада.

Однажды под вечер меня с детьми и еще двадцатью другими погрузили на машину и повезли за город. Там было много русского народа и жителей из карачаевских аулов. Были молодые парни, старики и старухи, женщины и такие, как мои детки. Стоял стон и плач. Вызовут фашисты группу в двадцать человек, отведут ко рву, дадут по ним очередь из автоматов—и они замертво падали в яму.

Вот и меня поставили перед ямой. Светочку я прижала к груди, а Вадик к ногам припал, обхватил их ручонками. Я слышала треск выстрелов и потеряла сознание... Когда пришла в себя, то оказалось, лежу в яме, запорошенной землей. Было тихо. Ярко светила луна. Я встала, в руках моих лежал труп Светочки. Пуля пробила ей сердце и впилась мне в плечо. У ног моих лежал с разможженным черепом Вадик. Я подобрала трупы детей и пошла куда глаза глядят. Вскоре набрела на одинокий домишко. Это была колхозная пасека, и в ней жил дед Евсей Андреевич Поликарпов. Он помог похоронить моих деточек. Стала

я жить у него вместо дочери, пока Красная Армия не пришла и не освободила меня...».

Перед своим поспешным бегством с Северного Кавказа фашисты минировали улицы, дома, водопроводные колонки. Сколько несчастий причинили мины мирному населению! В Кисловодске был заминирован водопровод общего пользования и пришедшие утром за водой две старые женщины были убиты осколками мин. В станице Суворовской фашисты заминировали колхозную скирду с хлебом и трое колхозников, начавших молотьбу, взлетели на воздух. В Ессентуках изверги заложили мину в ледяную горку и двое ребят вместе с санками были разорваны в клочья.

Невозможно описать все зверства немецких солдат и офицеров, истреблявших горцев и казаков Северного Кавказа по приказу Гитлера. Там, где только ступала нога фашиста,—лились ручьи крови, валялись изуродованные тела стариков, женщин и детей, корчились от страшных мук люди на дыбах...

Гитлеровцам не удалось скрыть следы своих кровавых злодеяний на Северном Кавказе. Они известны каждому казаку и горцу, которые на себе испытали дикий фашистский режим грабежа и убийств мирных жителей.

Жертвы фашистских палачей взывают к мщению!

№ 14.

РАЗРУШИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

У одного из убитых под Моздоком гитлеровцев была найдена «памятка агитатора». В ней содержались указания о задачах фашистских агитаторов. Одной из них, как явствует из «памятки», является: «познакомить освобожденных жителей с жизнью великой Германии, откуда к ним пришел этот храбрый, так хорошо вооруженный, чистый, культурный и приветливый немецкий солдат».

Казаки и горцы Северного Кавказа, пробывшие пять месяцев в фашистском плену, хорошо познакомились с «культурностью», «приветливостью» и «чистоплотностью» немецких солдат. Это они, «культурные» немцы, в штольне знаменитого на весь мир пятигорского минерального источника № 14 устроили бойню и коптильню окороков и колбас, а в зале лучшего санатория, проломив стену, оборудовали мастерскую для починки автомашин. Это они, «культурные» немцы, лучший рабочий кабинет редакции «Ставропольская правда» превратили в уборную, и после них пришлось вызывать ассенизационный обоз, чтобы очистить его. Это «культурный» и «чистоплотный» немецкий обер-ефрейтор Рудольф Бишоф в кунацкой горца-карачаевца Ильяса Амижгуева, напившись, как свинья, облевал ковры, не раздеваясь, с грязными сапожищами завалился в постель и сходил под себя, изгадив простыню.

Что и говорить: культура!

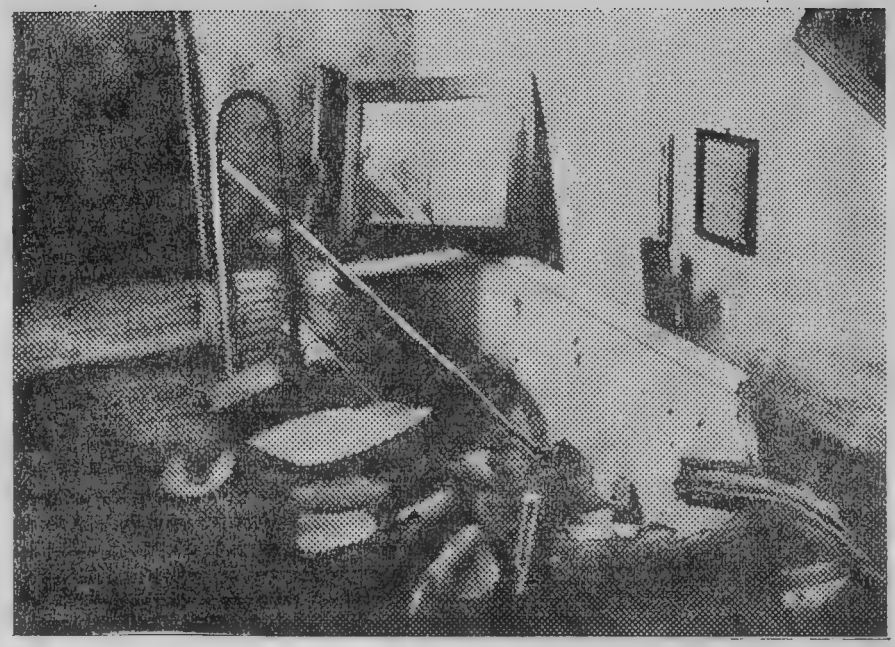
Фашисты любили показать казакам и горцам, что они с уважением относятся к национальному искусству и культуре. «Пятигорское эхо» 1 сентября 1942 года

писало: «В самом центре Пятигорска стоит стройное величественное здание бальнеологического института. Его отмечает благородная простота линий... Раньше здесь была гостиница, в которой случалось останавливаться Пушкину и Лермонтову». А сами вскоре взорвали этот архитектурный памятник и старейшее научное учреждение, сожгли и частью вывезли в Германию его знаменитую библиотеку, располагавшую ста пятью тысячами книг, из которых сорок тысяч были научные, представлявшие колоссальную ценность по кавказоведению и бальнеологии.

Фашистский листок «Ставропольское слово» в статье «Сокровищница культуры» писал о краеведческом музее: «...В художественном отделе имеется ряд больших ценностей: три картины Айвазовского, две акварели Верещагина, пейзажи Левитана и другие...» Это звучало, как об'явление к грабителям: вот они, ценности,— грабьте. И немцы ограбили музей. Они вывезли ценнейшие этнографические коллекции — национальную одежду горцев, обувь, украшения, ковры и различные образцы кустарного производства, среди которых были изделия кубачинцев, унцукульцев и балхар. Фашистские бандиты выкрали из музея все золотые и серебряные монеты, медали и ордена, до двадцати образцов кавказского оружия. Гитлеровским генералам приглянулись картины, и они отправили в Германию верещагинского «Дервиша», «Диану» Гофмана, картину Айвазовского «Черное море» и другие.

Казаки и горцы хорошо изучили грабительские повадки оккупантов. Они знали: если что хвалят немцы— значит, либо это украдут, либо разрушат и сожгут. Так случилось и со знаменитой пятигорской гостиницей «Бристоль». «Пятигорское эхо» 6 декабря 1942 года здание «Бристоля» назвало лучшим в городе, а через несколько дней немцы сожгли его дотла.

Мерзкому поруганию гнусные враги предавали священные для каждого советского человека места.



По приказу немецкого командования, фашисты дважды пытались разрушить в Пятигорске здание лермонтовских серных ванн, пользующихся мировой славой. Гитлеровцы в звериной злобе молотками разбили всю лечебную аппаратуру здравницы, зеркала, изрубили в щепы мебель, разбили дорогие фаянсовые ванны. Здесь показана одна из многочисленных ванных комнат, разгромленных фашистскими дикарями.

Земля, на которой жил Лермонтов, дом, в котором он творил, могила, в которой он нашел свой первый и вечный покой, осквернены и загажены.

В первые же дни своего прихода в Пятигорск немецкое командование на дверях домика-музея Лермонтова повесило об'явление: «Реквизировано и взято под охрану штабом Розенберга. Согласовано с высшим командованием. Вход в здание и снятие печати запрещены». В музее были размещены на постой солдаты. Это варварское действие фашистов вызвало глубокое возмуще-

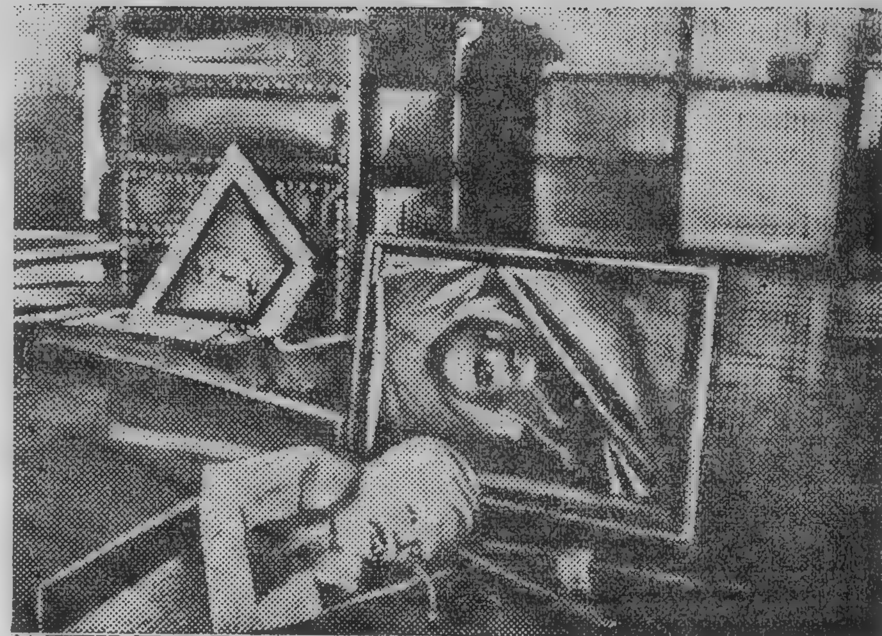
ние пятигорцев. Тогда, прикинувшись почитателями памяти Лермонтова, немецкое командование распорядилось выдать тысячу рублей на ремонт лермонтовского домика-музея и его «удостоили» своим посещением гитлеровские генералы фон-Клейст и фон-Макензен. Но недолго фашистские дикари были в роли покровителей культуры. Вскоре тот же фон-Клейст спер из музея две дорогих картины. При отступлении немцы вывезли в Германию ценнейшие картины русских и иностранных художников, хранившиеся в музее. На склоне горы Машук, в двухстах метрах от места дуэли Лермонтова, фашистские палачи расстреливали мирных жителей. Фашисты уничтожили старинные серные ванны, связанные с памятью поэта.

В грязной брошюрке «Война и новый порядок» фашисты, чтобы снять с себя ответственность за разрушенные ими культурные учреждения и выставить себя в качестве восстановителей поруганной культуры, писали: «...Школы разрушены, учителя частью мобилизованы в Красную Армию, осталось немного ценных помещений и уцелевших учителей. И вот, германскому командованию пришлось заниматься налаживанием школьной жизни...» А сами только в семи городах и десяти селах Ставропольского края уничтожили 225 школ, 7 вузов, 15 техникумов, 38 детских садов, 15 детских домов, 68 клубов и читален, 60 библиотек. Вот как на самом деле выглядело налаживание немцами культурной жизни!

«Черная шерсть от мытья не белеет»,—говорит горская пословица. И как фашисты ни прикидывались «культурными», им не удалось скрыть под маской своего черного варварского лица. Недаром казаки и горцы говорили о них:

— Видно птицу по полету, а фашистского стервятника — по разбойничьим повадкам...

Фашисты разорили и разграбили цветущий Северный Кавказ. Они взорвали и сожгли многие здравницы Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков и Железноводска,



Вестибюль знаменитых лермонтовских ванн Пятигорска, разгромленный гитлеровскими вандалами. Нож фашистского громилы располосовал портрет гениального русского поэта М. Ю. Лермонтова. Сбит с пьедестала и разбит также и бюст великого певца Кавказа.

пользующиеся мировой славой. Разрушены и сожжены десятки тысяч государственных и частных зданий. В Минеральных Водах взорвано около двух тысяч домов. В Георгиевске уничтожено 49 процентов всех зданий. Все электростанции, мельницы, маслозаводы, металлообрабатывающие предприятия, школы и больницы — либо сожжены, либо взорваны.

На протяжении почти двадцати тысяч километров уничтожена в Ставропольском крае телефонно-телеграфная сеть. Взорвана тысяча километров железнодорожных рельс, срублено 160 тысяч телеграфно-телефон-

629114
л 12А-а
№6.
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

ных столбов по линии железной дороги, снесено до трехсот железнодорожных мостов и других искусственных сооружений.

Гитлеровские офицеры и солдаты, побывавшие на Северном Кавказе, облегчили трудную задачу фашистского агитатора, который должен был «познакомить освобожденных жителей с жизнью великой Германии, откуда к ним пришел... чистый, культурный и приветливый немецкий солдат». Они хорошо познакомили «освобожденных жителей» со своей страной — Германией. Теперь каждый горец и казак знает: фашистская Германия — дьявольский инкубатор, выводящий на свет гадов, а немецкий солдат — варвар, неопрятный, как свинья, невежественный, грабитель, поджигатель, убийца и растлитель!

Волка без зубов не бывает. И гитлеровец не бывает культурным и приветливым. Это звери, разрушители культуры!.

ГИТЛЕРОВСКИЙ «НОВЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ ЗАКОН»

—На всем восточном пространстве лишь немцы имеют право быть собственниками крупных имений,— говорил гитлеровский министр земледелия Дарре. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных батраков или промышленных рабочих...

Гитлеровские орды с немецкой методичностью и с неслыханной жестокостью проводили на Северном Кавказе эту крепостническую, рабовладельческую программу. Они насаждали помещиков и возрождали худшие времена крепостного строя.

Фашисты истребляли советских крестьян, угоняли тысячи людей на каторгу в Германию, чтобы затем завладеть их землей, их имуществом. Гитлеровцы разрушали колхозы, МТС, совхозы, чтобы лишить людей материальной опоры и средств существования, обирали колхозников до последней нитки. Нищего, голодного, безземельного человека легче сделать рабом,—рассуждали фашистские крепостники.

Пять месяцев земля Ставрополья была в фашистском плену. За это время гитлеровцы только сельскому хозяйству края нанесли урон в пять миллиардов рублей! Немецкие мерзавцы разграбили в колхозах и совхозах, у колхозников более двух миллионов голов разного скота и свыше полутора миллиона штук домашней птицы. Только в Черкесии грабители пустили под нож более ста тысяч овец и коров. В Курсавском районе до оккупации было 5 тысяч свиней, а осталось 128, домашней птицы было 64 тысячи штук, а осталось 640.

Оккупанты перед уходом взорвали и уничтожили

гидротехнические сооружения знаменитого Невинномысского канала, который строили колхозники всего края, разрушили Терско-кумскую оросительную систему, питавшую влагой огромную посевную площадь. Сельскохозяйственные машины—комбайны, тракторы, молотилки—отправили в Германию.

Только в 15 районах гитлеровцы сожгли и взорвали 30 мастерских МТС. В Кузьминской МТС фашисты сожгли мастерскую с оборудованием и инструментами, взорвали станки, кузницу, склад с запасными частями, автомобильный гараж, столярную мастерскую, электроцех, контору и красный уголок. В Моздокском районе разрушили 2.173 жилых дома колхозников, 42 конюшни, 30 коровников, 18 кошар, 34 зернохранилища, 2 элеватора, 2 нефтебазы, мастерские двух МТС, разбили 63 трактора и 53 комбайна. Такому разрушению подверглись все районы края, все колхозы.

Фашисты закрыли все сельскохозяйственные учебные заведения, ликвидировали научно-исследовательские организации, помогавшие колхозам повышать урожайность земли и улучшать породность скота. Вот приказ пятигорской городской управы, продиктованный немцами:

«Приказываю:

1. Краевую карантинную инспекцию — ликвидировать.

2. Биолабораторию—ликвидировать.

3. Краевую опытно-мелиоративную станцию—ликвидировать.

4. Зональную опытную станцию коневодства—ликвидировать.

5. Пятигорскую землеустроительную партию Ростовского отделения Совхозмелиостроя — ликвидировать

Городской голова—Орлов.

Зав. сельхозотделом—Запорожец».

Обрекая колхозников на голодную смерть, фашисты забирали у них весь хлеб и скот, последний скарб,

тащили все, что попадалось под руку. У колхозницы артели им. Куйбышева Анны Шаповаловой немцы забрали свинью, шапку, мужское белье, дамский велосипед, одеяло, теленка, всех кур, 2 ведра, мешки, фуфайку, топор, кожаный пояс. Анна Шаповалова стала нищей. У колхозника Лисицина из сельхозартели «Искра» немцы отобрали все зерно, корову с теленком, свинью, трех овец, всех кур, даже последний пуд картофеля.

А гитлеровская пропаганда верещала на весь Северный Кавказ: «Германская армия — армия-освободительница». И на эту брехню колхозники отвечали печальной иронией:

—Что и говорить: освободили нас—от земли, от скота, от имущества...

Немецкие оккупанты об'явили населению Северного Кавказа, что все земли колхозов и совхозов, а также приусадебные участки, находившиеся в личном пользовании колхозников, — являются собственностью Германии. Все, что вырастит земля,—принадлежит германским вооруженным силам. Гитлеровцы наводнили станицы и аулы комендантами, гестаповцами и карателями. Они насильно заставляли крестьян обрабатывать землю, а урожай отбирали подчистую.

—Труд крестьянский, а урожай германский!—говорили колхозники.

Германские бандиты назвали колхозы «общинными хозяйствами», поставили во главе их фашистских «управляющих», «сельскохозяйственных офицеров». «Колхозный строй прекращается, а колхозы превращаются в общинные хозяйства,—об'явили немцы в специальном приказе, подписанном бывшим царским шпионом Альфредом Розенбергом. — ...Общинные хозяйства работают по указаниям сельскохозяйственных отделов германского управления...»

При помощи этих «общинных хозяйств» и под палкой германского «управляющего» фашисты принужда-

ли крестьян к совместной работе. Полученные в результате этого продовольствие и другая сельскохозяйственная продукция отбирались и сдавались германским властям для отправки в Германию. Таким образом, под видом «общинных хозяйств», фашисты вместо колхозов создавали немецкие крепостнические хозяйства.

По фашистскому «закону» допускалось и единоличное пользование землей. Но это только слова. Вот что говорится в розенберговском «земельном законе»:

«Единоличная пахота и посев могут быть допущены, если крестьянские дворы располагают в достаточном количестве инвентарем и тягловым скотом и если обеспечена правильная обработка земли».

Колхозники, ограбленные немцами, лишенные рабочего скота и инвентаря, естественно, не могли обрабатывать почву и лишались земли, становились батраками немецких помещиков-колонистов.

«Члены общинного хозяйства,—говорится в этом же «законе»,—не выполняющие своих обязательств по отношению к германским властям, нарушающие распоряжения германских властей, а также политически неблагонадежные или неспособные к ведению единоличного хозяйства, к наделу землей не допускаются».

Ясно, что по этому «закону» немцы могли всегда найти предлог, чтобы лишить крестьян земли.

В этом же «законе» есть пункт, в котором говорится: «В неограниченном количестве наделить землей ссыльных кулаков, бывших помещиков и всех, кто верно служил германскому командованию». Так вот кто мог получить землю—тунеядцы, кулаки-кровососы, предатели!

Весь смысл «земельного закона», всех фашистских «земельных реформ»—разграбить колхозные деревни, станицы и аулы, обезземелить колхозников, превратить их в батраков, в рабов немецких помещиков!

Огнем и виселицей, дубинкой и голодом, неслыхан-

ными зверствами, пытками, издевательствами гитлеровские палачи принуждали крестьян к рабско-крепостническому труду в «общинных хозяйствах». Они обязали всех колхозников от 12 до 75 лет участвовать в работе. Крестьяне, которые по каким-либо причинам не выходили на работу, подвергались безжалостным истязаниям. Был отдан приказ и расклеен во всех колхозах и совхозах: «За невыход на работу первый раз—25 розг, второй раз—подвешивание за ноги и третий раз—повешение или, как милость,—расстрел».

Фашисты строго придерживались этому людоедскому, крепостническому приказу. В Труновском районе в сельхозартели им. Литвинова половина колхозников была подвергнута порке за невыход на работу. Шестидесятилетнюю колхозницу Варвару Кирилловну Криволапову, пятидесятилетнюю Веру Андреевну Волкову и пятидесятилетнего Ивана Ефремовича Белокопытова немцы избили за то, что они на 10 минут опоздали на работу. Братьев Белокопытовых—колхозных кузнецов—фашисты секли розгами за то, что в кузнице не было угля и она не работала. В селе Надежда, Старомарьевского района, сто плетей дали колхознику Егору Черкашину за несвоевременный выход на барщину.

В совхозах Новоалександровского района был об'явлен приказ, по которому все трудоспособные должны были выходить на работу к 5 часам утра и покидать ее в 11 часов ночи. За невыполнение—розги и расстрел. Рабочие Дмитриенко и Соловьев были избиты только за то, что не поняли распоряжения «хозяина-немца», отданого на немецком языке. В станице Советской гестаповцы размозжили голову дубиной 50-летней колхознице Варваре Афанасьевне Малыгиной. В той же станице рабовладельцы ради потехи, под угрозой расстрела, заставили в одном нижнем белье плясать «барыню» шестидесятилетних стариков Емельяна и Анастасию Колышевых.

Не было предела фашистским издевательствам.

Немецкий комендант станицы Советской издал приказ: «При встрече с немецкими солдатами и офицерами на лицах жителей должна быть улыбка, как знак выражения радости перед своими освободителями. За невыполнение—расстрел». И люди подчинялись этому чудовищному приказу— улыбались, хотя на сердце лежала печаль и яростная ненависть к захватчикам.

Фашисты намеревались в буквальном смысле слова впрячь рабочих совхозов в рабское ярмо. В циркулярном письме от 3 декабря 1942 года, за подписью капитана Вокка, сельскохозяйственный отдел немецкой армии на Северном Кавказе предписывал всем управляющим госхозов (совхозов): «Иметь в виду, что весной нельзя рассчитывать на тракторные работы, а нужно готовить в достаточном количестве рабочую силу. Для дополнительного количества рабочих сейчас следует заготовить пропашники, маленькие плуги, которые тянутся людьми». Во исполнение этого циркуляра в совхозе № 20, Апанасенского района, кузнечные мастерские уже подготовили несколько тысяч плугов для людей, а шорные мастерские изготовили специальные лямки-хомуты для рабочих, на которых фашисты собирались пахать землю. Такие же подготовительные работы велись в совхозах Новоалександровского и других районов. И только Красная Армия освободила рабочих совхозов от позорного рабства.

Проводя в жизнь «земельный закон», фашисты начали наделять пахотными угодьями немецких колонистов. В Суворовский район из Германии прибыла некая фрау Гильда Монс, вдова немецкого обер-лейтенанта, убитого на Восточном фронте. Ей отрезали 150 гектаров колхозной земли, отвели 20 гектаров леса, передали колхозный фруктовый сад. За поместьем новоиспеченной помещицы закрепили тридцать колхозников и колхозниц, которые по 16-17 часов в сутки отбывали барщину. Гильда Монс была настоящей салтычихой—свирепой, жестокой. Она собственноручно секла своих

крепостных бычьим хвостом. Анастасию Панкратенко помещица избила до полусмерти за то, что изголодавшаяся женщина выпила из подойника два глотка парного молока. Семидесятитрехлетнюю Акулину Поликарпову сутки держала в погребе под замком и только потому, что та «осмелилась» замахнуться на хозяйского пса, когда тот зубами вцепился в ногу старухи.

Таковы были порядки на Северном Кавказе во время короткого хозяйничания немецко-фашистских оккупантов. Таковы были гитлеровские «земельные законы» и «земельные реформы», направленные на разграбление цветущего края, на разорение сотен тысяч советских крестьян, на превращение их в рабов, крепостных немецких баронов и помещиков!

Героическая Красная Армия освободила Ставропольщину от фашистской нечисти. Фашисты хотели советской земли и многие из них ее получили—по три аршина. Им уже больше не поганить эту землю.

ПРЕДАТЕЛИ

Когда немцы вторглись на Кавказ, то нашлись презренные предатели, изменившие своему народу, продавшие душу фашистской сатане—Гитлеру. Их было не много, гадливых и трусливых шакалов, лишенных чести и национальной гордости. Фашисты купили их за оккупационные марки, которые печатали на станке в Моздоке, наделяли пайками, сахарином, кремешками к зажигалкам и услаждали порнографией. И за это они вместе с немцами, как стервятники, терзали израненное и кровоточащее тело нашей Родины.

На второй день после занятия немцами Пятигорска в городе, как поганки на навозной куче после дождя, об'явились графы, помещики, офицеры «императорской армии» и прочая сволочь. Они устремились на кладбище и по фамильным склепам и могильным плитам устанавливали свою родословную, пред'являли купчие на имения, права на особняки. Вылезли на свет из смрадных нор бывшие атаманы, наибы и кулаки. Вышли из тюрьмы растлители, воры и убийцы. Об'явились «обиженные» Советской властью, «обойденные таланты» — ремесленники от литературы, театра и медицины. И всех их оккупанты пригрели, обласкали, пристроили к доходным местам.

Жила в Пятигорске некая девица легкого поведения Яновская, весь смысл жизни которой был в нарядах, вине и мужчинах. Лежа как-то в постели с угрястым рыжим немцем после бурной попойки, сия девица размышляла с похмелья: «А почему бы мне не стать литера-

торшей, писательницей? Хорошо будут платить немцы». Гитлеровский кот одобрил идею своей потаскухи. И с тех пор газетка «Пятигорское эхо» украсилась «твореньями» уличной девки, об'яснявшейся с читателями блатным языком. Она клеветала на Советскую власть и изрыгала фонтаны желчи и ядовитой слюны. Когда немцы поспешно бежали из Пятигорска, они забыли о своей «литераторше», им наплевать было на нее, самим бы унести ноги. Перед столом военного трибунала изменница стояла, тупо глядя себе под ноги, и на вопрос председателя—почему изменила родине, отвечала: —«Я получала паек: маргарин, сахар, хлеб... По базарным ценам это стоило 5 тысяч рублей...».

За кусок клейкой массы, именуемой немцами хлебом, с эрзац-маслом, эта ничтожная тварь продала Родину. Что ей до Родины и до страдания своего народа. И потому справедливо прозвучал суровый приговор военного трибунала: расстрел!

Городским головой Пятигорска немцы назначили врача Орлова, тайного абортмахера и известного склочника. Этот «отец» города-курорта, бывший врач, помогал оккупантам разрушать здравницы и больницы, составлял списки «неблагонадежных», предавал их гестапо. По этим спискам палачи расстреливали и душили газами тысячи людей. Орлов хвастал своей культурностью, а сам под диктовку немцев одним росчерком пера закрыл все научно-исследовательские организации города, клубы, детские сады и площадки. Он, считавший себя русским человеком, равнодушно взирал, как фашистские вандалы оскверняли все, что связано с памятью Лермонтова, который дорог всему русскому народу. Что ему до того, что немцы поджигали и взрывали лучшие здания Пятигорска, грабили музеи, школы? Он продался чужеземным варварам и вместе с ними разрушал город-красавец, убивал и грабил людей. Убегал изменник налегке, на запятках фашистской машины.

Перед бегством его достойная супруга распахнула двери парадного и открыла торг награбленным — детскими рубашонками, запятнанными кровью, банками с вареньем, перинами, кадками с медом. Надо было спешить спасать шкуру, немцы не ждали, Красная Армия шла по пятам.

Крупнейший колхоз им. Сталина в Карачае немцы преобразовали в «общинное хозяйство», поставили во главе его ссыльного кулака Алима Динабуева. Ему поручили надсмотр над крепостными горцами, его облачили неограниченной властью. Он мог собственноручно сечь колхозников и чинить смертельную расправу. «Управляющий» фашистским крепостным хозяйством установил каторжный режим труда: выход на работу в пять часов утра и окончание — в одиннадцать часов ночи. Не подчинявшихся этому приказу посылал на колхозный двор, где полицейские секли их розгами. Он насильно взял себе в жены четырех девушек и измывался над ними, держал в черном теле, кормил об'едками со своего стола.

«Писатель» Кофанов имел затаенную обиду на Советскую власть. Как это так: его грудь «столпа русской литературы» не украшена орденами и имя не значится в числе сталинских лауреатов! Эту свою обиду он излил в грязном фашистском листке, не преминув добавить, что «советская Россия жила во тьме, художественной литературы не существовало вовсе», из писателей был всего только он один, Кофанов, а «Горький и Шолохов — вовсе не писатели».

Отстав от фашистского обоза, удиравшего с Северного Кавказа, Кофанов, скорбно сложив на груди руки, придав всей своей плюгавой фигуре страдальческий вид «мученика из немецкого плена», отправился встречать вошедшие в город красные части. На митинге, устроенном трудящимися Пятигорска своим освободителям, предатель взобрался на трибуну и только открыл рот, чтобы выступить с лицемерной речью, как сильные руки воинов брез-

Это—гнусные предатели, продавшиеся фашистским грабителям и убийцам, служившие в немецкой полиции. Брошенные хозяевами, они не успели бежать. Колхозники поймали их и ведут к командиру одной из частей Красной Армии.

гливо сбросили с трибуны фашистского прихвостня.

На допросе, дрожа и жалобно скуля, предатель заявил: «Человек Кофанов струсил, чтобы сохранить России жизнь писателя Кофанова». Подумаешь, какая ценность для России — жизнь изменника!

Во главе казачьих станиц немцы поставили своих атаманов, чтобы при их помощи грабить колхозы, обирать казаков, принуждать людей к барщине, к рабскому труду.

В станице Бугурустанской, Суворовского района, атаманом был Чуденцов, в свое время арестовывавшийся за уголовные преступления. Он рьяно и преданно, как пес, служил фашистам. Насильно мобилизовывал станичников в германскую армию, а кто не хотел служить «фюреру», того избивал. Так он избил плетьми Петра Сюника, Афанасия Остапенко, Алексея Сажина и дру-

гих. Ему удалось сформировать казачью «сотню» из... двадцати восьми человек, из которых шестнадцать впоследствии сбежали. Фашистский атаман вылавливал евреев и коммунистов, предавал их гестаповцам и в вознаграждение получал имущество расстрелянных.

В этой же станице начальником полиции был Ефим Рубан — известный вор и садист. По свидетельству самого атамана, даже немцы, опытные убийцы и грабители, были поражены жестокостью этого начальника полиции. Рубан со своей шайкой нападал на дорогах на проезжавших казаков, грабил хаты, насиловал женщин, лично пытал и убивал станичников.

Рубана на посту начальника полиции сменил Мезин Захар—сын сосланного кулака. Брат его трижды судился за грабежи и арестован органами НКВД, а зять—белогвардеец. Он до полусмерти избивал казаков, отказывавшихся работать на немцев. Каждое утро Мезин с полицейскими ходил от одной хаты к другой, требуя, чтобы казаки выходили на работу. На площади делал перекличку и гнал измученных людей в поле. Беда для тех, кто запоздает на 5-10 минут — засечет. До полусмерти мерзавец избил плетью старуху Кириченко за то, что та прихворнула и не вышла на работу.

Вся эта шайка фашистских наемников, орудовавшая в станице Бургустанской, изловлена и понесла заслуженную кару.

В предателях оккупанты явно ощущали нужду. Угрозами, увещеваниями и посулами они стремились привлечь на свою сторону казаков и горцев. Назначали высокие оклады и пайки, дарили дома, награбленную мебель и скот. И только ничтожное число отпетых бандитов или трусов, цепляющихся за свою жизнь, в ущерб своему народу и отчизне, шло в услужение оккупантам. Эти предатели отвергнуты народом и Родиной. После того, как они сполна расплатятся за свою измену, проклятье падет на их смрадные могилы и сбудется горская пословица, говорящая, что «предателю—и на том свете не будет жизни».

НЕПОКОРЕННЫЙ КАВКАЗ

Немцы знали: Кавказ — жемчужина советской страны, и мечтали завладеть этой драгоценностью, чтобы украсить ею темную от крови корону своего бесноватого «владыки мира» — Гитлера.

В кругу приближенных пресловутый немецкий генерал-полковник фон-Клейст перед походом на Кавказ говорил:

— Кавказ — благодатный край. В обычаях народа — гостеприимство. Армию великой Германии казаки и горцы встретят радушно, с большой радостью...

Фашисты предполагали, что стоит вступить им на землю Кавказа — и все горские племена встретят их, как самых дорогих кунаков. Гитлеровцам рисовались радужные картины: вот они проходят через аулы и станицы, и жители устилают им дорогу коврами и цветами, в их честь режут баранов, жарят шашлыки, варят плов, выкапывают из земли кувшины с многолетним густым, золотистым вином, а девушки поют песни...

Подобно огненному смерчу ворвалась война на Северный Кавказ. Запылали города, казачьи станицы и мирные аулы. Казаки и горцы, покидая родные места, уходили от фашистов, как от чумы. Женщины с грудными младенцами устало, окаменев от боли, брели пешком. Старцы, опираясь на посохи, понуря седые головы, плелись за обозами. Плакали дети от страха. Но люди шли на юг, к своим, под защиту Красной Армии. Шли, чтобы только не видеть немца-зверя...

— Где народ? — врываясь в опустевшие станицы и аулы, спрашивали немцы у одиноких жителей. — Ушли с большевиками?

Еще пуще озверели фашисты. Они не ожидали такой

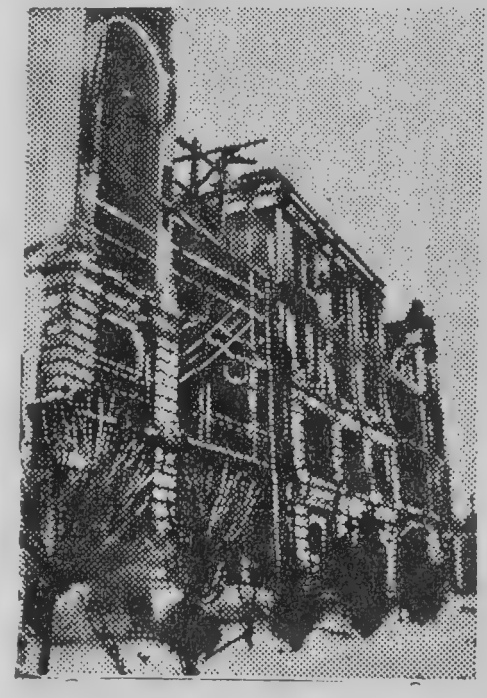
встречи. Ведь сам фон-Клейст говорил им, что германских солдат встретят на Кавказе хлебом-солью... Почему же их путь не устилают коврами и цветами? Где шашлык, плов и ароматные вина? Где кавказские красавицы, которые услаждали бы слух имперских солдат нежным пением под аккомпанимент бубна? Вместо этого они встретили взгляды, полные ненависти. Им не дают даже стакана воды напиться и ломтя хлеба, чтобы утолить голод. От них бегут, как от прокаженных, их истребляют, подстерегая на каждом шагу, как бешеных зверей.

С дрожью вспоминают немцы, как в черкесском ауле Хаба 60-летняя горянка умертвила трех офицеров. К одинокой старой Фатимат Дингуевой явились на ночлег трое фашистов. Горянка молча приняла их. Сварила чай. Подала на стол чурек и кусок брынзы. Старуха жарко натопила печь. Офицеры напились чаю, отогрелись в тепле, разлеглись на мягких постелях и вскоре блаженно захрапели. Долго сидела старая горянка у печи, прислушиваясь к храпу, подкладывала дрова и о чем-то думала. Потом она решительно встала, закрыла трубу, хотя в печи еще тлели головни, и вышла из сакли. На утро всех трех офицеров нашли отравленными угарным газом. Старуху схватили, зверски пытали, но она молчала и только перед виселицей на аульской площади, упав на колени и поклонившись всему обществу, промолвила твердым голосом: «Прощайте, за народ умираю...».

—Кавказский народ не гостеприимный,—заключили немцы. — Того и смотри кинжалом распорят живот...

Действительно, впервые нарушая обычаи, заведенные прадедами, казаки и горцы оказались негостеприимными. Фашистов они встречали пулей и гранатой. Даже старики, женщины и дети брались за оружие. Комсомолка Аня Шилина из Советского района в первый же день прихода немцев ушла к партизанам и, став отважной разведчицей, добывала важные сведения. Однажды, вы-

полняя задание, девушка попала в окружение гитлеровцев, но не испугалась и одна смело приняла неравный бой. В рукопашной схватке партизанка заколола штыком семерых немцев и сама героически погибла.



Это—знаменитая пятигорская гостиница «Бристоль». Спасаясь бегством с Кавказа, немцы взорвали и сожгли здание гостиницы.

Тринадцатилетний Володя Корешников из станицы Старомарьевской, мстя оккупантам, резал их телефонные провода. Немцы схватили мальчика и зверски избили его. Когда Володю вели через станицу на расстрел, он, гордо подняв голову, во весь молодой голос пел «Интернационал».

Карачаевец-колхозник Ахмед Джунгаев из аула Архын взорвал немецкую штабную машину вместе с двумя офицерами. Когда, подвесив его за руки, палачи спросили, за что он убил офицеров, горец ответил:

— У нас заведено: увидя змею — убивать ее. А вы хуже гадов...

Отважного патриота немцы замучили на дыбе.

Казаки и горцы, потомки тех, кто во все века честь ценил дороже жизни, кто бранное поле предпочитал мягкому ложу,—мстили врагу. Они, рожденные в горах и на берегах вольного Терека, не желали жить на коленях, а предпочитали дышать воздухом боя.

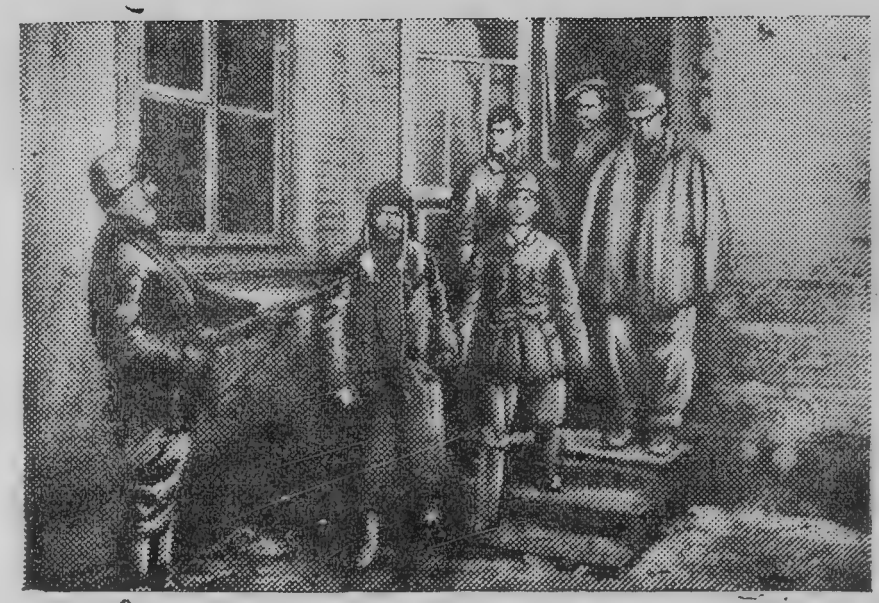
В ингушском ауле Базоркино трое самых уважаемых стариков, ученых арабистов Гази-мулла, Товси-мулла и Мочко с минарета мечети призвали горцев к газавату, к мести, к священной и непримиримой войне против кровожадных фашистских гиен. Гази-мулла прочел ингушам стих из корана;

«Чужеземец пришел на твою землю,
Он разрушил то, что ты создал.
Он убил сына твоего — продолжателя рода,
Он убил твою женщину,
Он надругался над твоей старостью.
Убей пришельца.
Если ты погибнешь в этом бою,
Земля над твоей могилой будет лежать спокойно,
Люди скажут: он сделал для своего народа
Все, что мог».

— К оружию! Газават! — закончив читать коран, призвал Гази-мулла.

На зов этот отозвался каждый, в ком билось сердце храброго потомка нартов. Перед прахом отцов своих великую клятву принесли горцы: отстоять родной Кавказ, не пустить немца за горы, там — Грузия, цветущее Черноморское побережье, бакинская нефть и азербайджанский хлопок, дагестанская рыба, фрукты и скот.

Призыв к священной войне дошел и до осетина Исы Валбегова. Он все лето жил в горах, стерег колхозную отару и не знал, что война приблизилась к его родному аулу. Чабану донесли сельчане, что немцы пришли в горы, жгут аулы, убивают скот, мнут поля и грабят имущество. Однажды, оставив отару на попечение подпаска, темной холодной осенней ночью Иса пробрался в свой аул, занятый немцами. Ползком он приблизился к сакле, где жила его семья. Заглянув в окно, Иса не увидел ни жены, ни детей. В сакле за столом сидели немецкие солдаты и пили вино, а на кровати в грязных сапогах лежал пьяный немец. Всю ночь чабан ползал от сакли к сакле, но не увидел никого из своих родных



№12.

Столица Кубани—Краснодар—была занята решительным штурмом красных воинов. Тысячи оккупантов не успели бежать из города. Партизаны вылавливают по квартирам оставшихся гитлеровцев.

и знакомых. В ауле были только немцы. Возвращаясь из родного села, Иса на дороге встретил соседа, и тот поведал ему о страшной участи его семьи: жену Исы немцы убили, а детей угнали из дома неведомо куда...

Следующей ночью Иса опять тайком вернулся в аул и засел подле своей сакли. В полночь из сакли вышел один немецкий солдат. Чабан набросился на него сзади и задушил. Он взял его документы, куртку, оружие и принес все это через линию фронта в штаб одной из частей Красной Армии.

С тех пор чабан Иса Валбегов стал разведчиком-партизаном. Вместе с другими вооруженными горцами, вставшими под священное знамя Отечественной войны, нападал на немецких солдат, взрывал узкие горбатые

мосты. Дорого поплатился враг, незванно проникший в саклю осетина!

На одном участке Кавказского фронта враг стремился овладеть очень важной высотой, чтобы затем пробить путь к Грозному. Оседлать хребет горы — вот была цель немецкого командования. На этом участке действовали отборные фашистские части автоматчиков-альпинистов. Большой ценой фашистам удалось взобраться на вершину. Оттуда они из легких горных пушек и минометов обстреливали долину, где залегли красные воины. Создалось тяжелое положение.

Был отдан приказ: выбить немцев с высоты. Задача была трудная и требовала много жертв. И вот в советский штаб пришел житель соседнего села—старик-ингуш Дадиев и предложил незаметно провести на высоту отряд бойцов. Ночью старик повел красноармейцев по неизвестной немцам турьей тропе. Тропа была трудная и опасная. Она кружила над пропастями, тонкой ниткой взвивалась вверх. Но старик хорошо знал путь и незаметно провел бойцов на вершину. От неожиданного появления советских автоматчиков и открытого ими убийственного огня, немцы в панике заметались по вершине горы, но падали скошенные очередями автоматов. Вскоре высота была завоевана. С помощью горцев соседних аулов бойцы выловили всех разбежавшихся по горам фашистов. При взятии высоты было убито 94 гитлеровских солдата и 27 взято в плен.

Так горец-ингуш Дадиев, ставший в ряды защитников Кавказа, помог красным бойцам разгромить немецкую роту и овладеть важной высотой.

Священную народную войну об'явили врагу казаки вольного Дона, Кубани и Терека. Вооружившись пулеметами, гранатами, винтовками, кинжалами и оседлав коней, они ринулись на гитлеровцев с грозным кличем:

— Лучше смерть в бою, чем позор рабства!...

Мужчины, женщины и подростки брали оружие и уходили в партизанские отряды. В лесах, глухих горах,

в глубоких балках и камышевых зарослях они раскинули лагери и отсюда совершали дерзкие налеты.

Партизаны перерезали дороги, по которым шло снабжение фашистских войск горючим и боеприпасами, взрывали цистерны с бензином и автомашины со снарядами, пускали под откос вражеские эшелоны с солдатами и офицерами. Чтобы задержать на дорогах продвижение вражеского транспорта, устраивали завалы, небольшие минные поля, портили мосты, заболачивали местность.

Враг вынужден был спешиваться, проделывать проходы, восстанавливать мосты. Во время таких остановок автомашины и немцы представляли собой отличные мишени для метких партизанских пуль и гранат.

Но не всегда партизанских сил было достаточно, чтобы справиться с фашистами. Тогда, собрав о противнике важные сведения, партизаны передавали их ближайшей части Красной Армии, которая вместе с партизанами наносила немцам сокрушительный удар.

Много славных боевых страниц вписали партизаны Кавказа в борьбу советского народа с немецко-фашистскими оккупантами. Презирая смерть, они мужественно и храбро бились с превосходящим по численности и хорошо вооруженным врагом, помогая Красной Армии изгонять гитлеровские орды с советской земли. Слава о их подвигах не померкнет в веках.

Вот боевой счет народных мстителей Кавказа: партизаны Ставропольщины истребили более двух тысяч гитлеровцев, освободили сорок семь населенных пунктов, в том числе пять крупных районных центров; партизаны Кубани отправили к праотцам три тысячи фашистов; партизаны Осетии, Черкесии, Кабардино-Балкарии и Карачая прикончили полторы тысячи немцев. А сколько уничтожено оккупантов одиночками-патриотами!

На советской земле немецко-фашистские оккупанты узнали народную войну. Слава о партизанах отряда

Дмитрия Семеновича Сорокина гремела по всей Кубани, наводя ужас и страх на немцев. Когда фашисты полонили Кубань, колхозник-казак Сорокин сказал жителям своего хутора: «Кубанская земля была и будет советской». Он не ушел за Терек с частями Красной Армии, а остался в тылу врага защищать родную землю. Сорокин создал партизанский отряд, неуловимый, как ветер кубанских степей. Отряд на дорогах выслеживал немцев и истреблял их. Партизаны Сорокина убили нескольких фашистских офицеров и генерала, отбили и освободили четыреста колхозников, которых немцы угоняли в рабство. Один за другим направляли немцы отряды карателей на поимку партизан. Но отряд Сорокина кружил по степи, скрывался в балках, налетал, как буря, и, рассыпавшись на мелкие группы, исчезал бесследно.

Фашисты об'явили награду в 25 тысяч рублей за голову Сорокина, но не нашлось предателей. Население оказывало всяческую помощь партизанам, снабжало продовольствием, предупреждало о грозящей опасности. Озлобленные бесплодными поисками партизан, каратели решили расправиться с семьей Сорокина и жителями его хутора.

Однажды ранним морозным утром на хутор Георгиевск ворвался отряд немецких карателей. Автоматчики оцепили хату Сорокина и схватили находившуюся там его шестнадцатилетнюю дочь Дусю. Она в эту ночь одна ночевала дома, а мать и две сестренки скрывались у соседей.

— Где твой отец? — допытывался у девушки фашистский офицер.

Дуся молчала.

Каратели поставили девушку лицом к стене, в спину наставили дула автоматов и опять повторили вопрос:

— Где отец?

Дуся молчала.

Тогда рассвирепевшие гитлеровцы сорвали с девичь-

их плеч платье и безжалостно стали избивать ее плетью.

Дуся молчала.

Не добившись от девушки ничего, немцы согнали на площадь всех жителей хутора. Обращаясь к казакам, офицер спросил:

— Где Сорокин, где его семья?.

В толпе никто не проронил ни слова. В рядах женщин стояли жена и две дочери Сорокина. Но никто не указал на них.

Палачи решили применить другой способ воздействия.

—Об'являем сожжение всего вашего села,—заявил офицер. Срок: сорок пять минут. Не скажете—все сгорит.

Запылал хутор. А на площади все также молча стояли люди и глядели, как в огне погибает все их годами нажитое добро.

Не добившись своего, палачи вновь начали пытать Дусю. На глазах матери, сестер и всех жителей хутора девушке отрезали нос, вырезали на обеих ногах икры, выбили все зубы, вдавили в орбиту глаз.

Дуся молчала.

Звери предали мужественную советскую патриотку мучительной казни.

Отряд Сорокина продолжал мстить гитлеровцам. Ручьями своей поганой крови фашистские звери заплатили за сожженый хутор и смерть Дуси.

Всеобщей ненавистью к немецким оккупантам пылали все — от мала до велика. Советские дети, подобно своим отцам и братьям, не упускали случая отомстить немцам.

В Ставрополе отважно действовал пятнадцатилетний школьник Геннадий Голенев. Он тайно собирал и прятал на чердаке своего дома гранаты и винтовки. Пробирался к вражеским автомашинам, портил их управление, электрооборудование и механизмы, снимал покрышки,

прокалывал шины, похищал секретные документы врага. Фашисты приходили в ярость, обнаружив испорченные машины, производили облавы, пытаясь поймать «диверсантов», думая, что против них действует целый партизанский отряд.

Геня установил на чердаке своего дома радиоприемник и тайком принимал сообщения Совинформбюро, затем размножал их и распространял по плененному городу. Подросток выкрал из штабной немецкой машины важные оперативные документы и передал партизанам. Однажды брошенной из засады гранатой Геня убил двух немецких офицеров.

Преданный изменницей, подросток был схвачен гитлеровцами. Его жестоко пытали, тяжело ранили, умирающего бросили в горящий дом и заживо сожгли.

Пионеры Митя Близнюков и Миша Костенко из станицы Великокняжеской резали фашистские провода, надолго выводили из строя телефон и телеграф. Как только немцы исправят повреждение, юные патриоты вновь вырезали провода. В Либкнехтском районе, Ставропольского края, неизвестный подросток устанавливал мины, пытаясь взорвать железнодорожное полотно. Немецкий офицер поймал отважного партизана, долго пытал, требуя выдать сообщников.

—Палачи, вы от меня ничего не узнаете! — заявил мальчик. — Я подкладывал мины, чтобы ваши поезда летели под откос...

Ребенка расстреляли.

В Ставрополе немцы по городу развесили лживый лозунг: «Наша победа — ваша свобода». Ребята, уничтожив слог «по» в слове «победа», оставили лозунг: «Наша беда — ваша свобода». И все фашистские лозунги, расклеенные по городу, были переделаны детской рукой. Троих неизвестных ребят фашисты захватили и тут же расстреляли.

При отступлении из Ставрополя фашисты взрывали и поджигали все лучшие здания города. В эти дни

юные патриоты действовали особенно бесстрашно. Гитлеровцы заложили мины и пытались взорвать огромное здание Крайземотдела. Это видели ученики братья Вася и Миша Строгоновы. Они, собрав ребятишек, взобрались на крышу соседнего дома и стали кричать: «Ура, Красная Армия идет!» Взрыватели испугались и убежали, оставив даже легковую автомашину. Здание было спасено.

В том же Ставрополе немцы пытались взорвать водонапорную башню по улице Дзержинского, уже подожгли бикфордов шнур и поехали к другому зданию. Восьмилетний ученик первого класса Витя Морозов, следивший за немцами, выбежал из укрытия, оборвал горящий шнур и тем предотвратил взрыв.

Советская земля горела под ногами оккупантов. Они боялись поодиночке выходить за околицу аула, старательно огибали леса, возле оврагов переключали скорость автомашин и стремительно проносились мимо опасных мест. Всюду им мерещились партизаны. За каждым бугорком, пнем и саклей они ждали смерти.

Немецко-фашистские захватчики не ожидали такой встречи на Кавказе. Они думали, что горцы и казаки занятых ими аулов и станиц покорно примирятся с их владычеством и будут безропотно нести бремя немецкой оккупации. Они думали: партизан—небольшие кучки, а остальное население не осмелится поднять руку на немецких солдат и офицеров. Но они ошиблись, они встретили презрение и жгучую ненависть к ним всего населения Кавказа.

В каждом старце и ребенке оккупанты видели сообщника партизан. Если случалось горянке выйти с кувшином за аул к источнику или какому подростку с'ездить с санками в лес за дровами — их подозревали в связях с партизанами и жестоко наказывали. В аулах, станицах и городах был расклеен приказ немецкого командования: «Всем мужчинам от 14 до 75 лет ежедневно являться на регистрацию в полицию. Регистрацию

проходить два раза в день—утром и вечером. Если кто самовольно уклонится от регистрации и уйдет из села или города, вся семья будет расстреляна».

Как ни старались оккупанты, но не смогли подавить партизанского движения в горах и степях. Проваливались карательные экспедиции. Фашисты не раз «уничтожали» и провозглашали «капут» красным партизанам Ставрополья, а они здравствовали и наносили удары. Начальник прикумской полиции Миллер как-то хвастал:

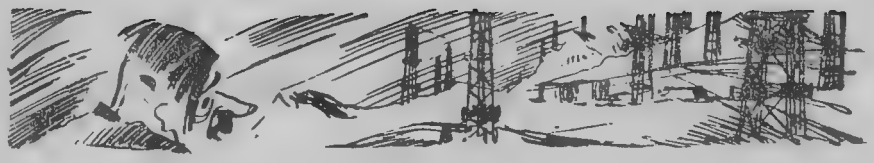
— В октябре месяце партизаны сделали попытку напасть на некоторые села Ачикулакского района. Во взаимодействии с германской армией, полиция разбила наголову шайку партизан, взяв их вооружение. Что можно сказать вообще о партизанах? Их нельзя уже представлять, как силу, которая могла бы в какой-нибудь степени угрожать... Партизаны пошли на капитуляцию...

А вскоре сам герр Миллер, бравый начальник немецкой полиции, убежал от партизан без штанов...

И не только герр Миллер драпал, вся «великая» германская армия с позором бежала с Кавказа от доблестной Красной Армии и народных мстителей.

Священная война, об'явленная народом, испепелила врага, освободила горную страну от диких фашистских орд, вернула горцам и казакам утраченную свободу.

Вновь над Кавказом развевается алое знамя — символ братства народов, свободы и счастья.



ГИТЛЕРОВЦЫ О ДАГЕСТАНЕ

На Северном Кавказе у немецко-фашистских оккупантов была особая политика. Главнокомандующий кавказской армейской группой немецких войск генерал-полковник фон-Клейст предписывал своим солдатам и офицерам:

—Помните, что вы на Кавказе, а не в России и Украине. Действовать здесь надо осторожно, не затрагивать национальных чувств казаков и горцев, особенно честь кавказской женщины...

Немецко-фашистские оккупанты прикидывались друзьями горцев, «освободителями» кавказских племен, покровителями ислама. Даже сам генерал фон-Макензен принял магометанство, ходил в мечеть, придерживался горских обычаев. А Гитлер был возведен в ранг «великого имама» всего Кавказа. Делалось все, чтобы доказать горцам, что немецкая армия пришла с доброй волей.

Фашисты заявили, что идут «освобождать» Дагестан. Шамиля об'явили своим покровителем. В листовках и специальных газетных статьях расписывали: Дагестан будет выделен в самостоятельное кавказское государство, во главе с имамом. А вскоре фашистский листок «Ставропольское слово» выболтал истинные замыслы немцев, устремлявшихся в страну гор. Эта газетенка в октябре 1942 года писала: «...Дагестан богат рыбой, скотом и фруктами. Развито виноделие. Дагестан может стать серьезным источником снабжения продовольствием великой Германии...».

Так вот от чего гитлеровцы шли освобождать Дагестан: от рыбы, скота, фруктов и вина! Они рас-

считывали за счет ограбления богатой республики пополнить свои скудные запасы.

Для этого им и понадобился лживый лозунг «освобождения Дагестана».

О том, какое самостоятельное кавказское государство во главе с имамом гитлеровцы помышляли создать из Дагестана, выболтал все тот же фашистский листок «Ставропольское слово»: «...Туземное население Дагестана полудико, сплошь неграмотно, поражено страшными болезнями—паршой, трахомой, сифилисом. Туземцы не способны самостоятельно управлять своей страной и на Германии лежит забота взять на себя эту великую миссию...».

Гитлеровцы лишний раз выдали себя с головой, как истинные колонизаторы, относящиеся с презрением к горским народам—представителям «низшей» расы, которыми якобы должны управлять они, «арийцы».

Богатства Дагестана не давали покоя фашистам. Они с вожделением взирали в глубь Кавказских гор, где на берегу седого Каспия расположилась цветущая страна. К Дагестану немцы пробивались, захлебываясь собственной кровью, с автоматами и мешками для добычи. Но врага сковывали мужество, стойкость и героизм советских воинов, стоявших на подступах Грозного и берегах могучего Терека.

Немецкие офицеры твердили своим солдатам, измученным частыми атаками советских войск и добротными гостинцами с воздуха и горных высот: «Потерпите, форсируем Терек и будем отдыхать в Дагестане. Там море, фрукты, вина...».

Но долгожданный день для фашистских вояк не наступал. Дагестан был все также далек, а удары красных войск становились все сильней. И вот, чтобы подбодрить упавший дух своего «храброго воинства» и населения Германии, раздраженного долгим топтанием немцев у Моздока, германское командование возвестило мир об очередной своей «победе»:

«Ставка фюрера сообщает, что в результате решительного штурма доблестные имперские войска заняли Грозный и город Дагестан. (?!)».

Да, так и сказано: «заняли Грозный и город Дагестан». Одним махом Гитлер вкупе с Геббельсом положили в об'емистый фашистский карман весь Дагестан, с его городами и аулами, горами и степными просторами, морем и реками, садами и лесами!

Но вскоре всем стало ясно: Гитлер и Геббельс опять соврали, Грозный и «город Дагестан» немцы не занимали, «доблестные имперские войска» попрежнему унаваживают моздокскую землю своими смрадными трупами, и победа от них опять далека, как вершины Казбека и Эльбруса.

Не было дня, чтобы ставка кровавого фюрера не сообщала о несуществовавших успехах германских войск. «Мы господствуем над Каспием... Наши самолеты у восточного Каспийского побережья потопили три крупных транспорта противника и два наливных судна... порт Петровск — горит...» — сообщалось в фашистских сводках. «Избербашские нефтепромыслы в результате интенсивной бомбардировки германских самолетов полностью разрушены». «Железнодорожная линия от Моздока до Дербента разрушена, и движение по ней воинских эшелонов приостановлено...».

Ясно, что фашисты никаких судов на Каспии не топили, порта не поджигали, не разрушали избербашских нефтепромыслов и железнодорожной линии. Эти высосанные из пальца успехи фашистской авиации ставка Гитлера расписывала, чтобы показать миру, насколько сильна германская армия на Кавказе и чтобы скрыть свои потери у Моздока.

Гитлеровцы поносили все, что близко и дорого сердцу каждого горца. О великом народном поэте Дагестана Сулеймане Стальском фашистская газетка «Утро Кавказа» писала: «Сулейман Стальский вовсе не поэт, за которого выдает себя. Стальский не может быть великим

человеком, так как принадлежит к низшей расе—лезгинам...».

Грязные фашистские листки клеветали на советских горянок, из кожи лезли вон, чтобы доказать, что горянки при Советах не пользуются никакими правами. Нашлась «горянка», которая под диктовку палачей состряпала пасквильную статейку на советских женщин. Она призывала «сестер» вернуться к «старым адатам», вновь одеть чохто, стать рабой своего господина — мужа. Судьба жестоко покарала изменницу. На утро после того, как появилась эта статейка, немцы расстреляли ее 14-летнего сына, подвернувшегося под руку пьяному офицеру. И тогда на собственной шкуре предательница узнала цену немцам и их «новому порядку».

Немцы везли в своем обозе ссыльных кулаков-дагестанцев, некогда бежавших от революции за границу ханов и беков, которые должны были стать бургомистрами, наибами, шейхами.

В Пятигорске некий ловкий делец открыл ресторан под вывеской «Дагестан». Здесь он принимал господ офицеров и немецкую челядь — бывших князей, беков и кулаков. Из-за стойки чокался с ними и пил «за будущее освобождение Дагестана». На новый год содержатель ресторана дал немецким офицерам бал «с елкой, гуляньем, фейерверками, бенгальскими огнями, танцами, вином и женщинами», как извещал об этом в специальных об'явлениях. Предатель делал все это в расчете стать казикумухским наибом.

Под ударами Красной Армии рухнули мечты фашистов покорить Дагестан, завладеть его богатствами. Поспешно пришлось им бежать с Северного Кавказа. И теперь стали известны все зверства оккупантов и их дикий произвол.

Гитлеровцы говорили татам: «не бойтесь нас, мы вас не тронем, — мы только против европейских ев-

реев, а вас считаем горским народом». Сами же в это время в Курском районе, Ставропольского края, истребили все население двух местных колхозов, состоявшее из 850 горских евреев — стариков, женщин и детей. Им было приказано с вещами явиться во двор школы села Богдановка, якобы для того, чтобы отправиться на Украину. И когда таты явились во двор школы, полицейские и гестаповцы оцепили их, приказали сложить вещи и повезли к яме. Палачи прикладами заставили несчастных людей раздеться донага. Сперва они выделили в отдельную группу мужчин и расстреляли их. Затем наступил черед женщин. Их расстреливали на глазах у детей. Многие были не убиты, а только ранены, но всех их сбрасывали в яму. Затем гитлеровские бандиты принялись за детей. Им мазали губы отравляющим веществом, и дети в страшных муках, задыхаясь, жадно хватая ртом воздух, умирали от удушья. Грудных бросали в яму живыми. Очевидцы рассказывают, что на месте этой страшной казни еще на второй день земля дышала, словно живая, то поднималась, то опускалась...

Оккупанты грабили и убивали мирных горцев, разрушали аулы. Горянку-карачаевку из аула Красновосточное Фатимат Кичиеву немцы, раздев донага и измазав дегтем, привязали к позорному столбу за то, что она отказалась итти на барщину. 70-летнего черкеса Хаджи-Мурата Джугова фашисты расстреляли «за оскорбление чести армии великой Германии». Ночью в саклю старика ворвались немецкие солдаты и стали грабить нажитое годами добро. Горец со слезами на глазах умолял их не снимать с его плеч последнюю шубу. В этом было все «оскорбление». И за это грабители прошили старца очередью из автомата.

В ногайских степях рассказывают страшную историю трагической гибели девушки Мариман Исмаиловой и ее матери. На одинокую кочевую кибитку напали пьяные немецкие патрули. В кибитке находились

Мариман и ее старая мать. На глазах старухи немцы изнасиловали дочь, потом, раздев догола, облили бензином и подожгли. Старуху изверги задушили полотенцем.

Все эти средневековые ужасы пыток, насилий и грабежей фашисты готовили и народам Дагестана. Но Красная Армия предотвратила угрозу фашистского вторжения в Дагестан. Не сбылись мечты гитлеровцев завладеть богатствами страны гор, не пришлось им покупаться в Каспии, поесть фруктов и попить дагестанского вина. Свои мечты о захвате Дагестана гитлеровцам пришлось зарыть в могилу вместе с десятками тысяч немцев, истребленных красными воинами и партизанами Кавказа на берегах Терека, Кубани и Дона.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

Редактор **Д. Шилов.**

Обложка и заставки художника **М. Сипака.**

Технический редактор **М. Ханукаев.**

Корректор **В. Григорюк.**

Подписано к печати 1. VII-43г. Даггиз № 184. С—3482 Объем 1,5 п. л., в 1 п. л. 65000 зн., 1.97 авт. листа. Заказ 741. Тираж 3.100

Типография издательства газеты «Дагестанская правда»

Цена 4 руб.